

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

© Э.Ф. Мамедов*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье исследуется российское законодательство, регулирующее религиозные отношения. Особое внимание посвящено анализу проблем, связанных с использованием терминологии. Отмечается, что употребление в законодательстве оценочных понятий и терминов, используемых в религиозной сфере, является некорректным, требует научного анализа и внесения соответствующих изменений в законодательство.

Ключевые слова: термины, юридическая техника, религиозные отношения, свобода совести, свобода вероисповедания.

THE TERMINOLOGY OF LEGISLATION ON RELIGIOUS RELATIONS AS BASIS OF INTERETHNIC AND INTERRELIGIOUS UNITY PROMOTION

E.F. Mamedov*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article is devoted to the study of Russian legislation regulating religious relations. Special attention is paid to the analysis of problems related to use of terminology. It is noted that the usage of evaluative concepts and terms in the religious sphere of legislation is incorrect, and it requires the scientific analysis and introduction of relevant amendments to legislation.

Keywords: term, legal writing, religious relations, freedom of conscience, freedom of religion.

В настоящее время важнейшим условием формирования правового государства и гражданского общества в России является достижение межнационального и межрелигиозного единства. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 "О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)" [18] этнический и религиозный факторы являются для многонациональной и поликонфессиональной России факторами национальной безопасности, что также зафиксировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [17]. Традиционные формы духовности и этнической культуры народов России являются основой общероссийской идентичности, поэтому укрепление единства российской нации, формирование общегражданской идентичности россиян, обеспечение динамичного этнокультурного и духовного развития народов России, противодействие этнополитическому и религиозно-политическому экстремизму являются важными факторами дальнейшего устойчивого развития страны.

На территории Российской Федерации проживают представители более 180 национальностей, среди которых необходимо выделять как российских, так и иностранных граждан и лиц без гражданства, адаптирующихся в российское этнокультурное и религиозное пространство в процессе внутренней и внешней миграции.

Далее необходимо отметить, что на современном этапе общественного развития особую актуальность приобретает проблема гармонизации отношений между государством и объединениями, осуществляющими религиозную деятельность. По нашему мнению считаем справедливым подчеркнуть тот факт, что общественное сознание населения нашей страны нередко ассоциирует представителей различных конфессий с определенным этносом, нацией, народностью, в результате чего религиозные отношения проецируются на межнациональные. В свою очередь, основой упорядоченности таких отношений выступают законодательно закрепленные положения о месте и роли религии в жизни общества и государства.

По словам М.П. Прониной, "в настоящее время обозначить конкретно определенное

место религии внутри системы российского права весьма затруднительно" [20, с. 166]. В России основой правового регулирования религиозных отношений являются Конституция Российской Федерации 1993 г. [7] и Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" [13]. Данными нормативными правовыми актами установлены: принцип светскости государства, конфессиональное равенство, свобода совести и свобода вероисповедания, статус религиозных объединений, условия их существования, взаимодействие с органами власти и др. Однако, несмотря на широкий спектр законодательной регламентации религиозных отношений, российское законодательство в данной сфере не лишено недостатков, в частности, технико-юридического характера.

Как верно отмечает С.А. Комаров, "юридическая техника признана совершенствовать язык правовых актов, делать его более понятным, точным и грамотным" [6, с. 330]. В этой связи необходимо отметить, что одним из основных требований юридической техники является точное выражение законодательной воли в тексте нормативного правового акта. Эта цель достигается путем использования в законодательном тексте специальных терминов, являющихся языковыми средствами юридической техники. Правильное языковое изложение текста закона предопределяет его ясность, простоту, четкость и доступность для понимания.

За период своего действия Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» претерпел множество изменений, однако, несмотря на это, необходимо выделить ряд моментов, связанных с его несоответствием отдельным требованиям юридической техники, а именно, используемой в нем терминологии.

Во-первых, наличие терминологических неточностей Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" усматривается, прежде всего, в его названии. Представляется, что оно не совсем соответствует содержанию самого закона. В соответствии со статьей 28 Конституции РФ "Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания...". Ю.Ю. Кулакова отмечает, что исходя из лингвистической конструкции формулировки указанной статьи «получается, что на конституционном уровне свобода совести, хотя формально и связывается со свободой вероисповедания, не отождествляется с ней» [8, с. 33]. В свою очередь из 27 статей Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" свободе совести в собственном смысле слова не посвящена ни одна статья. Свобода совести рассматривается законодателем в нераздельном единстве со свободой вероисповедания. В этом отношении положительным примером следует считать наименование Закона РСФСР от 25 октября 1990 г. "О свободе вероисповеданий" [12], которое, бесспорно, соответствовало его содержанию. В данном случае согласимся с П.Б. Афанасьевым, который отмечает, что юридически грамотным представляется следующее наименование закона: Федеральный закон "О свободе вероисповеданий и о религиозных объединениях" [1, с. 22].

Во-вторых, с точки зрения юридической техники некоторые формулировки преамбулы Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" являются некорректными и носят неопределенный характер. Совершенно непонятен смысл таких фраз как: "признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры"; "уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...". Что именно законодатель имеет в виду под православием – Русскую Православную Церковь или различные православные сектантские течения? Об уважении какого именно направления христианства идет речь – православия, католицизма, протестантизма? То же самое касается и направлений ислама, буддизма и иудаизма. Можно также предположить, что, исходя из текста данной преамбулы, к "другим" религиям относятся и мормонизм, иеговизм, кришнаизм и т.п., которые никакого отношения к историческому наследию народов России не имеют. А как же язычество (родолюбие, родноверие, традиционализм), которое в большей степени имеет право считаться религией, составляющей неотъемлемую часть исторического наследия народов России? В настоящее время в России действует целый ряд языческих движений и общин, ставящих своей целью возрождение исконной русской веры.

По всей видимости в данном случае справедливым является вопрос о том, каким образом следует определять степень неотъемлемости той или иной религии и что именно понимать под историческим наследием. Можно также предположить, что данные положения со-

здают правовые предпосылки для законодательных преференций в пользу перечисленных в законе первых четырех конфессий. Необходимо отметить, что в юридической литературе уже высказывалось мнение относительно исключения из преамбулы Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" указанных формулировок, что способствовало бы совершенствованию законодательства о религиозных объединениях [19, с. 21].

Положения преамбулы хоть и не носят нормативный характер, однако продекларированное в ней отношение государства к рассматриваемому вопросу может являться основой государственной политики в этой сфере. Следует также отметить, что в ноябре 2013 года в Государственной Думе РФ высказывались предложения по поводу закрепления особой роли православия в преамбуле Конституции Российской Федерации. Вместе с тем речь шла о том, что в тех регионах России, где "традиционными" являются иные религии, наряду с православием может быть закреплена особая роль соответствующих религий на уровне регионального законодательства. Однако в некоторых субъектах федерации подобная практика уже давно реализуется. Так, особая роль ислама признается в преамбулах Закона Республики Татарстан "О свободе совести и о религиозных объединениях" [13] и Закона Республики Адыгея "О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея" [16].

Важно подчеркнуть, что среди священнослужителей ислама, буддизма и иных религий не отрицается та самая особая роль православия в истории России. По словам Ю.Н. Сухова "данное убеждение основано на том, что еще с древних времен право России было органически связано с религией, а именно, – с Христианством, которое не только определяло духовно-нравственное состояние русского народа, но и являлось неотъемлемой формой его общественной жизни и важным фактором правовой культуры" [21, с. 112]. В данном случае уместны также слова выдающегося русского мыслителя, богослова и духовного писателя священномученика архиепископа Илариона (Троицкого), который писал, что "русский народный характер воспитался в течение целых веков под руководством Церкви, а потому отпадение от Церкви для русского человека и является почти отпадением от России" [2, с. 407].

И, тем не менее, представляется, что на современном этапе общественного развития практическая реализация подобного подхода со стороны государства может привести к нарушению принципа равенства религий и способствовать возникновению межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

В-третьих, наличие языковых неточностей прослеживается также при использовании в Федеральном законе "О свободе совести и о религиозных объединениях" терминов, обозначающих лиц, участвующих в деятельности религиозной организации. В тексте закона встречаются такие термины как "член организации", "участник организации", "работник организации", "служители организации", "священнослужители", "последователи организации". Представляется, что термин "участник организации" имеет наиболее общее значение и успешно применяется в гражданском законодательстве. Однако, если терминология, обозначающая должности, например, Русской Православной Церкви, содержится в ее Уставе, то терминология, обозначающая юридический статус официальных представителей религиозных организаций (священнослужитель, последователь), несомненно, нуждается в законодательном дефинировании.

В-четвертых, обращает на себя внимание правовое качество законодательства об ответственности за оскорбление религиозных чувств. Принятый в июне 2013 года Федеральный закон "О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан" [9], известный также как закон об оскорблении чувств верующих, вызывает ряд вопросов, связанных с использованными в нем терминами.

Основным вопросом является употребление в наименовании закона об оскорблении чувств верующих формулировки "религиозные убеждения и чувства", которая в силу размытости ее содержания может привести к многочисленным злоупотреблениям. Использованное понятие "чувства" является оценочным и не дает полного представления о том, что же именно подразумевается под указанной формулировкой. Более того, определить данное понятие на законодательном уровне невозможно, поскольку оно является глубоко индивидуальным и не может быть проанализировано в полной мере. Представляется, что религиозные чувства со-

пряжены с эмоциональным отношением верующих ко всему, что связано с их религией. Поэтому с юридической точки зрения трудно определить, какие чувства следует относить к религиозным. Тоже можно сказать и о понятии "религиозные убеждения". Данное понятие также является оценочным и подразумевает под собой личные убеждения человека относительно каких-либо религиозных явлений.

Важно понимать, что религиозные убеждения конкретного человека могут не совпадать с «официальными» установками той религии, к которой он себя относит, либо вообще отсутствовать. Человек может считать себя не принадлежащим к какой-либо вере, но при этом иметь религиозные убеждения. При отсутствии законодательной дефиниции под формулировкой "религиозные убеждения и чувства" можно понимать практически что угодно. Необходимо осознавать, что объем религиозных чувств и степень религиозных убеждений как у обычных граждан, так и у адептов той или иной конфессии могут быть различными и совершенно противоположными, даже если речь идет о представителях одной веры.

В-пятых, использование в законодательстве понятия "верующий" также является некорректным, поскольку сами представители различных религиозных направлений не едины во мнениях относительно того, какой именно смысл заложен в данное понятие и кого следует считать таковым. Нет необходимости отрицать тот факт, что большинство людей причисляют себя к верующим просто в силу традиции, не соблюдая при этом никаких религиозных обрядов и норм, соответствующих своей вере. В данном случае согласимся с О.Е. Казьминой, которая отмечает, что "человек верит в свою принадлежность к конфессии по фактам рождения в той или иной группе, связи с данной культурной средой и может даже не задумываться над сутью доктринальных положений (человек знает, что рожден в традиционной православной среде, был крещен в младенчестве, и уже этого ему достаточно, чтобы называть себя православным)" [3, с. 5]. Соответственно наличие данного термина в тексте законодательного акта может привести к разногласиям и протестам со стороны общественности в целом. Представляется, что использованное в статье 148 Уголовного кодекса Российской Федерации понятие «верующие» необходимо заменить устоявшимся в юридическом языке термином "граждан".

Подводя итог, следует отметить, что нормы, содержащие неточные термины, могут стать причиной не только правовых коллизий, но и пробелов в законодательстве в результате излишнего "сужения" границ общественных отношений, урегулируемых данным актом. Проведенный анализ проблем использования терминов в законодательстве, регулирующем религиозные отношения, не является окончательным и требует дальнейшего исследования. Однако уже сейчас необходимо упомянуть об отсутствии в российском "религиозном" законодательстве определений таких терминов как "верующий", "вероисповедание", "конфессия", "религия", "священные (святые) места", "религиозный обряд", "религиозный ритуал", "религиозная церемония", "религиозные убеждения", "религиозные чувства", "свобода совести", "свобода вероисповедания" и т.д. В тоже время следует отметить, что в некоторых российских регионах указанная проблема частично урегулирована. Так, в Законе Волгоградской области "О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области" [10] содержится определение термина "свобода совести, свобода вероисповедания", в Законе Республики Бурятия "О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия" [11] содержатся определения терминов "религия", "вероисповедание (конфессия)", "святые (священные) места", в Законе Республики Тыва "О свободе совести и религиозных организациях" [15] содержатся определения терминов "атеизм", "свобода совести", "традиционные конфессии", "религиозный культ" и т.д.

Складывающаяся система взаимоотношений между государством и религиозными объединениями в Российской Федерации постепенно приобретает характер сотрудничества на основе четкого разделения их функций. Эта система взаимоотношений позволяет религиозным объединениям принимать участие в различных сферах жизни общества. Подобное сотрудничество предполагает совместную деятельность в таких областях, как миротворчество на международном, межэтническом и межконфессиональном уровнях, совместная реализация социальных программ, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия [23, с. 279]. Однако "государство не вправе, вопреки воле общества, навязывать ему модель государственно-конфессиональных отношений, фактически складывающаяся в об-

шестве она должна учитываться государством при установлении четких правовых рамок сотрудничества государства и религиозных объединений" [5, с. 7]. В тоже время "участие государства в виде поддержки или установления особых отношений с определенными религиозными объединениями является недопустимым" [4, с. 46].

Таким образом, несмотря на закрепление в Основном законе России таких положений как светскость государства, свобода вероисповедания, равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии и др., приходится констатировать, что при регулировании государственно-конфессиональных отношений они учитываются не в полной мере. Неосознанное повышение статуса той или иной религии на законодательном уровне может спровоцировать угрозу религиозной безопасности, поэтому при совершенствовании законодательства, регулирующего религиозную сферу, необходимо строго соблюдать конституционный принцип отделения религии от государства, а также принцип равенства религий и религиозных объединений. Особая роль при этом должна быть отведена терминам и дефинициям, представляющим собой основу содержания документа и необходимыми для восприятия точного смысла, заложенного в то или иное понятие, используемое в законе.

Библиографический список

1. Афанасьев П.Б. Природа правового регулирования религиозных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / П.Б. Афанасьев Нижний Новгород, 2008. 29 с.
2. Иларион Троицкий. Преображение души / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 480 с.
3. Казьмина О.Е. Русская Православная Церковь и проблемы идентичности, религиозного законодательства и прав человека в современной России // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 3–12.
4. Карпушкин А.В. Конституционное равенство религиозных объединений и традиционные ценностные системы в России (вопросы либеральной парадигмы Конституции РФ) // Альманах современной науки и образования. 2009. № 11 (30). Ч. II. С. 44–48.
5. Клименко Е.Н. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в российской федерации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.02.02. / Е.Н. Клименко М., 2007. 28 с.
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб.: Издательство Юридического института, 2012. 608 с.
7. Конституция Российской Федерации 1993 года // Российская газета. 1993. № 237.
8. Кулакова Ю.Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. 2014. № 11. С. 32–36.
9. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.
10. О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области: закон Волгоградской области от 27 ноября 2001 г. № 634-ОД // Волгоградская правда. 2002. № 6.
11. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия: закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-1 // Ведомости Народного Хурала Республики Бурятия. 1998. № 21 (32).
12. О свободе вероисповеданий: закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1990. № 21. Ст. 240.
13. О свободе совести и о религиозных объединениях: закон Республики Татарстан от 14 июля 1999 г. № 2279 // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1999. № 8.
14. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
15. О свободе совести и религиозных организациях: закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 // Тувинская правда. 1995. № 253.
16. О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея: закон Республики Адыгея от 12 января 1999 г. № 107 // Собрание законодательства Республики Адыгея. 1999. № 1.
17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
18. О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)": постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. №

718 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 35. Ст. 4509.

19. Осипова Л.В. Правовой статус религиозных объединений как института гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.01.01 / Осипова Л.В. М., 2009. 25 с.

20. Пронина М.П. Юридическая техника использования религиозных норм в уголовно-правовой системе России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 166–170.

21. Сухов Ю.Н. Духовно-нравственные ценности и становление русской государственности // Политика. Власть. Право: Материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной памяти и 79-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, член-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Москва-Белгород, 26 апреля 2014 г.). Вып. 2 / Под ред. С.А. Комарова. М. Белгород: Изд-во ООО «ГиК», 2014. С. 112–127.

22. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 528 с.

Мамедов Эльшан Фахраддинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, e-mail: vetenim@rambler.ru

Elshan F. Mamedov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, e-mail: vetenim@rambler.ru